ТРИ МИНУТЫ НА МЕДЛЕННОМ ОГНЕ

ЮЛИЯ ВЕРДИКТ

Юлия Вердикт

«Три минуты на медленном огне»

https://litres.ru/75026302
SelfPub; 2026

Аннотация

Фельдшер Алёна разоблачила обморок депутата за четыре минуты — и получила за это не благодарность, а тайное расследование: кто-то три года дозировал живому человеку болезнь, а теперь подсовывает ему поддельные улики и подозреваемых.

Жена, которая двадцать лет таскает его кардиограммы по поликлиникам. Помощница, которая признаётся в отравлении — и называет это спасением. Медбрат с белыми кроссовками, которого не существует.

Все лгут — но по-своему, и вся правда сидит не в тетради «Дело о кофе», а в турке: три минуты на медленном огне, ни секундой раньше.

Юлия Вердикт «Три минуты на медленном огне»

Глава 1.

«Скорая, депутат и один очень неудобный вопрос»

Алёна, 35 лет, фельдшер на скорой, терпеть не могла пафосные адреса. Особенно те, где консьерж смотрит на тебя так, будто ты пришла не спасать жизнь, а попросить в долг. Но адрес есть адрес.

— Третий подъезд, охрана пропустит, — буркнул диспетчер.

— Мужчина, 45, потеря сознания, потом пришёл в себя, но «трясёт».

«Трясёт» — это вообще что? Кофе выпил слишком крепкий? Или совесть проснулась? Алёна вздохнула, поправила сумку и пошла к шлагбауму.

В квартире пахло дорогим парфюмом, тишиной и лёгким ужасом. На диване сидел мужчина в идеально отутюженной рубашке, бледный, но с видом человека, который привык, что мир подстроится. Рядом суетилась женщина в кашемировой кофте— жена, видимо.

— Давление у него какое было? — спокойно спросила Алёна, доставая тонометр.

— Не знаю, — процедила жена. — Он не любит, когда мерим. Говорит, это признак слабости.

Алёна чуть не закатила глаза, но сдержалась. Профессиональная этика. И ещё то, что мама учила: «Никогда не спорь с теми, у кого в прихожей люстра стоит как твоя годовая зарплата».

— Значит, сейчас узнаем, — улыбнулась она.

— Рукав закатайте, пожалуйста.

Мужчина послушно закатал рукав, и тут Алёна его узнала. Ну как узнала — видела в новостях, в сюжете про открытие очередного торгового центра. Депутат. Тот самый, который в интервью говорил, что «здоровье — это дисциплина и спорт по утрам».

Тонометр запищал. Цифры были… не очень спортивными.

— У Вас давление высокое, — констатировала Алёна.

— Надо бы в стационар, понаблюдать.

— В стационар? — он поморщился, как будто она предложила ему надеть треники и поехать на маршрутке.

— У меня через час совещание.

— Совещание подождёт, — отрезала Алёна.

— Или сердце не подождёт.

Жена скрестила руки.

— Он не поедет. У него семья. Дети.

Алёна посмотрела на жену, на депутата, ещё раз на жену. Профессиональная этика молчала ровно три секунды — и

отключилась:

— Знаете, я уважаю семью. Но если он сейчас не поедет, то у детей будет не папа, а некролог в газете. И даже с фотографией в рамке.

Депутат фыркнул. Потом засмеялся. Потом схватился за грудь, и перестал смеяться.

— Ладно, — выдохнул он.

— Поеду. Но только потому, что вы очень убедительно про некролог.

Алёна только плечами пожала.

— Это не убеждение. Это медицина.

Пока они спускались на лифте, депутат не выдержал:

— А Вы всегда так… прямо?

— Только когда речь о жизни и смерти, — ответила Алёна.

— В остальных случаях я вообще очень тактичная. Например, когда вижу, что человек пьёт третий эспрессо в два ночи, я просто молчу.

Он снова усмехнулся.

— Вы мне нравитесь.

— Я никому не обязана нравиться, — спокойно сказала Алёна.

— Главное, чтобы Вы до больницы доехали.

В тесном лифте, между восьмым и седьмым этажом, до Алёны дошло нечто не по расписанию: перед ней не только депутат. Ещё и человек. С пульсом, который скачет, и со

страхом в глазах — тем самым, который все взрослые прячут за важными словами. Алёна срочно вспомнила про протокол. Протокол не помог.

А ещё он смотрел на неё так, будто впервые увидел кого-то, кто не боится ему возражать.

Глава 2.

«Пицца, визитка и одна очень громкая мыслишка»

Утро у Алёны началось как всегда: сорок минут сна, кофе, который она пила стоя, и звонок напарника Димы.

Смена шла нормально до тех пор, пока, у пиццерии сломался человек. Точнее, — курьер доставки. Парень лет двадцати, споткнулся о бордюр, который город обещал починить ещё в 2019.

— Зачем вы вообще бежите с пиццей? — спросила Алёна, бинтуя его руку.

— Пятьдесят минут и доставлено! — гордо сказал парень. — Иначе рейтинг упадёт.

— Рейтинг, — повторила Алёна. — Ладно.

Парень уехал. Алёна вернулась к машине, села — и тут заметила, что у неё в кармане сумки что-то лежит. Не её. Маленькая визитка с золотым тиснением и должностью, от которой хочется спать. Под визиткой — купюры. И записка, написанная от руки:

«Надеюсь, на десерт Вы не забинтовали мне совесть. Артём Владиславович».

Алёна сидела и смотрела на записку. Потом на деньги. По-

том снова на записку.

«Он написал „надеюсь на десерт“», — подумала она.

— «Мужчины его возраста не пишут „надеюсь на десерт“. Это либо секретарь его, либо что-то не то».

Вечером она позвонила Диме.

— Слушай, а ты того парня из пиццерии не знаешь?

— Кольку? Не знаю. Но у нас на смене одна бабка говорила, что он подрабатывает в одной конторе. Рядом с офисом депутата Артёма Владиславовича.

Алёна ничего не сказала.

Просто отложила телефон. Потом встала, подошла к окну и — не поверила — увидела во дворе свежий асфальт. Там, где была яма, теперь был ровный асфальт. У подъезда — скамейка. На скамейке — табличка: «Восстановлено депутатом по обращению граждан».

Алёна посмотрела на табличку, на скамейку и на асфальт. «Вот же козёл», — подумала она и поймала себя на том, что улыбается.

Тут она поймала себя на мысли, которую сразу же выставила за дверь: «А он симпатичный, когда не пытается быть депутатом». Мысль вернулась через окно.

Глава 3.

«Обморок, который слишком хорошо танцевал»

Дальше всё пошло по накатанной. Две недели спокойных вызовов, Диминых шуток и сообщений с чужого номера, которые Артём Владиславович присылал из-под полы — пото-

му что «мне нельзя оставлять следы». Алёна отвечала сухо и коротко, но где-то внутри уже завелась маленькая привычка ждать его сообщения.

А потом был вызов.

— Мужчина сорока пяти лет, «плохо с сердцем», — сказала диспетчер.

— Адрес — ну ты поняла.

— Это же тот самый? — встрепенулся Дима в машине.

— Которого ты спасла?

— Тот самый.

— Слушай, а вдруг это настоящий? Вдруг у него по-честному инфаркт?

— Тогда мы — те, кто нужны.

Они подъехали. Открыла не жена. Открыла женщина, которую Алёна видела впервые: лет сорока, аккуратная, взволнованная.

— Он там … — сказала она.

— Мы пили кофе, и он вдруг…

— Кофе? — переспросила Алёна.

— Из пакетика? Или из аппарата?

Женщина замялась. А Артём Владиславович, лежавший на диване, резко открыл глаза — и Алёна поймала его взгляд. Не растерянный. Немного смущённый. Как будто он просто хотел побыть без жены десять минут и поэтому сказал себе: «Сделаю вид, что плохо».

Алёна медленно достала тонометр. И, измеряя, тихонько,

так, чтобы слышал только он:

— Артём Владиславович. Симулировать гипертонию — занятие неблагодарное. У вас давление чуть повышенное, но не настолько, чтобы Вы вот так лежали.

Он смотрел на неё снизу вверх. И рассмеялся — тихо, в кулак.

— Вы меня разоблачили?

— Я Вас спасала, — сказала Алёна.

— Это разные профессии.

Дима хмурился, хозяйка нервничала, а пациент лежал и посмеивался. По протоколу полагалось забирать «на всякий случай». Алёна мысленно поставила протоколу диагноз: случай не тот. Случай был куда интереснее, чем ему положено быть.

В машине Дима спросил:

— А чего он там веселился?

— Давление измеряли, — уклончиво ответила Алёна.

— А, — кивнул Дима.

— Ну да. У некоторых от этого настроение поднимается.

Конец бесплатного фрагмента

Глава 4.

«Жена, которая знала слишком много»

Вечером Артём Владиславович позвонил.

— Мне нужно с Вами поговорить.

— Так говорите.

— Не по телефону. И не в машине. И лучше не там, где кто-то из моих знакомых может увидеть.

— Вы бы ещё в подвал позвали. В подвале хорошо тайные встречи проходят.

Пожалуйста. Давайте в кафе на Полевой. Там никого из моих знакомых не бывает, я проверял.

— Вы проверяли? — переспросила Алёна.

— То есть Вы к этому пришли не спонтанно…

В трубке помолчали — как выяснилось позже, специально, для эффекта. Потом он сказал очень спокойно, очень депутатово:

— Я всегда всё проверяю. Приходите.

В кафе он сидел в кепке и в шарфе. И с газетой, свёрнутой в трубочку, как будто это маскировка, а не предмет для чтения. Газета была прошлогодняя, «Региональные ведомости», которую он, судя по всему, ни разу не открывал.

— Смотритесь как резидент на пенсии, — заметила Алёна, садясь.

— Мне нужно, чтобы меня не заметили, — сухо сказал он. — Дело в том, что мой «сердечный приступ» месяц назад был не совсем приступом. И случай на той квартире… тоже не совсем случайный. Мне кто-то что-то делает. Или с телефоном, или с кофе, или с чем-то ещё. Я не знаю. Я только знаю, что жена за последние полгода стала слишком спокойной. Она, которая двадцать лет орала на меня за каждую царапину, теперь говорит: «Артёмушка, ты только не волнуй-

ся». И это пугает меня больше, чем давление.

Алёна отхлебнула кофе. Внутри что-то ёкнуло — не от слов, а от того, как они были сказаны. Голосом человека, который десять лет живёт в доме, где тихо, — а тишина, если вдуматься, самый громкий звук из существующих.

— И что Вы хотите от меня? — спросила она.

— Детектива я вам не наиграю. Я фельдшер. Меня учили, как остановить кровь, а не как разоблачить заговор.

— А мне и не нужен детектив, — сказал он тихо. — Мне нужен человек, который не боится мне возражать.

Вот это уже был удар ниже пояса. Не по сердцу даже — по самообладанию.

— Я Вам не буду возражать, — сказала Алёна.

— Я вам сейчас помогу. Но помните: если я узнаю, что Вы втянули меня в какое-то дурацкое расследование ради романтики, я Вас лично доставлю в кардио отделение, и оставлю там до Нового года.

Он улыбнулся. И Алёна поняла, что попала. Не в его сеть — в свою, с поплавком и грузилом. Потому что за месяц так и не научилась смотреть на него как на «депутата», и «объект неприятных мыслей». Она смотрела на человека, который приехал в кафе в шарфе и в кепке, потому что боится не жены — боится остаться один.

— И ещё, — сказал он, уже у выхода.

— Я не сказал Вам всего. Я сказал то, что сам знаю. А я, оказывается, знаю не всё.

— Это, — сказала Алёна, глядя ему вслед, — самая честная фраза депутата, которую я слышала за последние десять лет.

Глава 5.

«Метод скорой помощи»

Свою первую «улику» Алёна нашла не там, где искала.

Искала она, между прочим, с усердием, достойным лучшего применения. Разложила на кухонном столе все свои «данные»: салфетку с датой первого вызова, мысленный портрет жены, столбик цифр давления — она, как приличный медик, всё записывала. И даже завела новую тетрадь. На тетради было написано: «Дело о кофе Артёма Владиславовича».

Дима заглянул ей через плечо в перерыве:

— О. Ты вела бы меня так же красиво, если бы я упал в обморок?

— Ты не упадёшь. У тебя железный гемоглобин и совесть, которая не даёт нормально болеть.

— Жаль, — вздохнул Дима.

— Хотел тоже стать неразрешимой загадкой.

Но настоящая «улика» объявилась сама — на работе, в самый неподходящий момент: улики обожают пунктуальность.

Радиообмен Алёна слушала всю смену фоном — как привыкла. Звуки чужих вызовов для фельдшера — это как сводка погоды: не то, чтобы нужна, но привычна. И вот в одной такой сводке она услышала то, от чего поставила на паузу

кофе.

— Мужчина сорока пяти лет, потеря сознания, у подъезда, — бубнила диспетчер. — Дом на Полевой.

Полевая. Это была улица того самого кафе. Кафе, где они «совершенно случайно» сидели в среду — в пустом зале, в дождливый день, за столиком у окна. И где ему в среду стало плохо, а потом — не стало.

Алёна посмотрела на карту вызовов, которую вела для себя сама — просто привычка, никто не просил. И обнаружила: за последний месяц возле кафе на Полевой случилось четыре «сердечных» вызова. Четыре. В радиусе ста метров. Плюс два — у офиса Артёма Владиславовича. Плюс один — у дома, где он «был в гостях».

Странность не в том, что люди болеют. Люди болеют везде и всегда. Странность в том, что эти вызовы случились в одну и ту же смену — Алёны и Димы. И что в трёх случаях из четырёх «пострадавшего» уже встречали до приезда скорой — посторонние люди, оказавшие первую помощь.

— Дима, — сказала Алёна, — кто обычно приезжает на Полевую раньше нас?

— Частники. Пара платных бригад, они там вечно крутятся, потому что рядом бизнес-центр, — Дима пожал плечами. — А что?

— А у одного из них, случайно, нет язвочки на подбородке?

Дима поднял бровь.

— Ты чего на меня так смотришь? Как на заговорщика?

— Не на тебя. На идею, которая пришла в голову.

— Она тебе не нравится.

— Нет. Она мне нравится. Мне не нравится, что она у меня появилась.

Она бы ещё долго крутила это в голове, но вечером Артём Владиславович позвонил сам. Голос у него был не такой, как обычно: собранный, без «надеюсь на десерт».

— Я узнал, кто сегодня приезжал к мне в офис раньше вашей бригады.

— Частники?

— Частники. Только один из них — мой бывший помощник. Тот, который ушёл «по собственному желанию» год назад. Я сейчас проверил — он в этой службе работает медбратом. И сегодня был на Полевой в то время, когда я… как это называется у вас?

— «Сидел за столиком и хотел, чтобы мир подстроился».

— Когда я чувствовал себя плохо, — упрямо поправил он.

Алёна замолчала. Вот, значит, как. Улики, которые сами ложатся в тетрадку, — редкое везение. Обычно улики ведут себя как кошки: приходят, когда их не ждёшь, и отказываются уходить, когда нужны.

— Артём Владиславович, — сказала она осторожно.

— Вы понимаете, что это может быть совпадение?

— Понимаю. Я депутат. Я умею убеждать себя в чём угодно.

— Значит, давайте убеждать себя во что-то полезное. Завтра я подниму карту вызовов за месяц. Посмотрим, как часто Ваши адреса — те, где вы бываете, мелькают в разных формулировках. Если кто-то очень хочет, чтобы рядом с Вами всегда была скорая, — это скажет о нём больше, чем любой детектив.

— А если не скажет?

— Тогда я скажу Вам то, что говорят все медики, когда улики кончаются: «Питайтесь нормально и меньше нервничайте».

Он засмеялся — впервые за весь разговор. И в этом смехе не было ни департаментской позы, ни властного тона. Только усталость и — чуть-чуть — благодарности.

— Спасибо, что не съехидничали.

— Я съехидничала в первой фразе. Просто Вы её пропустили.

— Тогда спасибо за обе.

Где-то между «спасибо за обе» и «до завтра» Алёна поймала себя на том, что улыбается в трубку. Диме, стоявшему рядом с чаем, это не понравилось. Диме вообще всё, что не относилось к работе, не нравилось в рабочее время — особенно улыбки без причины.

— Алёна. — Дима подвинул ей кружку. — Ты улыбнулась.

— Это профессиональная улыбка.

— Профессиональная улыбка бывает у продавцов и у ане-

стезиологов. У фельдшеров — профессиональное молчание.

— Я разносторонняя.

Дима посмотрел ещё секунду, потом махнул рукой:

— Ладно. Но если этот депутат тебя обидит — скажи. Я приеду и скажу ему, что у него лицо человека, у которого давление сто пятьдесят на сто.

— Ты ничего не сможешь доказать.

— А мне и не надо доказывать. Я просто скажу. Наедине.

Тучи, впрочем, сгущались и без его участия: на карте вызовов за последний месяц, которую Алёна достала на следующее утро, обнаружилась одна строка, которую она совсем не ждала увидеть.

В строке стоял её собственный адрес.

И дата — ровно неделя назад.

Глава

6. «Помощник с идеальной улыбкой»

Всю жизнь Алёна была уверена, что подозревать людей в подлости — это не работа, а диагноз. Мышление так не устроено: у скорой нет версий, у скорой есть симптомы. Дышит — хорошо. Не дышит — плохо, работаем. Всё остальное — кино и Дима с его коллекцией сериалов.

Поэтому, когда Артём Владиславович назвал ей адрес и фамилию бывшего помощника, Алёна честно ответила: «Понятия не имею, что я с этим буду делать». И потом две ночи не спала, потому что мозг — предатель — всё крутил: медбрат. Частная служба. Полевая. Совпадение? Совпадений на

Полевой за месяц — семь, дорогая редакция.

Встретила она его случайно. Вернее, почти случайно: вызвала скорую бабушка на Полевой — давление, а приехали те самые частники. И в машине, откинувшись на сиденье, сидел мужчина с язвочкой на подбородке.

— Данила Сергеич, — представился он, помогая переложить бабушку. — Вы, кажется, из городской?

— Алёна. Спасибо, что были раньше нас.

— Да не за что, — улыбнулся он. — Мы стараемся. Городские, знаете, всё едут и едут, а люди ждать не любят.

Алёна профессионально улыбнулась в ответ и профессионально запомнила три вещи: у него были абсолютно белые кроссовки, абсолютно чистые перчатки и абсолютно спокойный взгляд — спокойный, что становилось не по себе. У человека, который месяц мотается на вызовы, не бывает таких перчаток. У него бывают усталые глаза. А у Данилы Сергеича глаза были как у человека, который с утра постиг иронический смысл собственной жизни и больше не тревожится.

— Вы давно в этой службе? — спросила она как бы между делом.

— Полгода, — сказал он. — А что?

— Да так. Я редко у частников бываю. Приятно познакомиться.

— Взаимно, — сказал он. И добавил, уже у машины: — А Вы, я слышал, та самая фельдшер, которая депутата спасала. Респект. Народ о вас хорошо говорит.

— Народ вообще хорошо обо мне говорит, когда я не в его подъезде приезжаю в шесть утра.

Данила Сергеич засмеялся — легко, вежливо, как смеются люди, которые давно научились смеяться по расписанию. И уехал. А Алёна осталась стоять на Полевой и думать о том, что «народ о Вас хорошо говорит» — это очень удобная фраза. Так говорят те, кто собирает информацию. Или кто просто вежлив. Или то и другое сразу.

Вечером она пересказала всё Артёму Владиславовичу — по телефону, с чужого номера, шёпотом на лестнице, как школьница, которая созванивается с влюблённым одноклассником, пока мама не стучит в дверь. Мысль о том, что она сейчас сравнивает себя с влюблённой школьницей, Алёна отсекла решительно.

— Значит, Данила Сергеевич, — повторил Артём Владиславович. — Полгода в частной службе. Я его нанял четыре года назад. Он ушёл год назад — «по собственному желанию». А теперь он рядом со мной на всех выездах. Не слишком ли много для человека, который хотел покоя?

— Вы спрашиваете меня?

— Я думаю вслух. Вы рядом.

— Я не рядом, я на лестнице, и сосед сверху уже третий раз кашляет намёками.

— Алёна.

— Что?

— Спасибо, что Вы рядом на лестнице.

Алёна замолчала. Нечестно так говорить: тихо, простыми словами, без всякой там пафосной интонации. Никто не имел права. Она собралась с мыслями.

— Артём Владиславович. У меня к Вам серьёзный профессиональный вопрос.

— Слушаю.

— Почему Вы не обращаетесь в полицию? У Вас есть подозрения. У Вас есть факты. У Вас есть я, которая уже три ночи не спит, потому что Ваш помощник слишком хорошо улыбается.

Пауза была долгой. Слишком долгой для человека, который «всегда всё проверяет».

— Потому что, — сказал он наконец, — если я обращусь в полицию, я признаю, что у меня в окружении — человек, который годами может что-то подмешивать, слушать, смотреть. И я не знаю, кто это ещё. Помощник? Охранник? Жена?

— Жена?

— Я не хочу этого думать. Я не имею права этого думать без доказательств. Но я не могу и не думать.

Алёна смотрела в тёмное окно лестницы, где единственная лампочка мигала в ритме дежурного романса. И сказала — сама себе удивляясь — то, чего не ждал даже её собственный характер:

— Знаете, я никогда не завидовала женатым. Даже когда им было хорошо. Но у вас в этой «семье» живого тепла нет,

Артём Владиславович. Я Вас за месяц видела больше раз, чем вы свою жену, кажется. И мне Вас жалко, а не завидно. И я бы хотела Вам помочь, но не знаю, как. Вот и всё, что я могу сказать честно.

В трубке молчали так плотно, что слышно было, как там выдыхают.

— Вы, — сказал он наконец, — это сказали бы как-нибудь попроще. А то я сейчас расплачусь, а у депутатов это, знаете, плохо отразится на рейтинге.

— У депутатов слёз не бывает. У них бывает «уважение к чувствам избирателей».

— Да, — тихо сказал он. — Именно поэтому я не плачу уже двадцать лет.

Вот тут и кончились пути отступления: за месяц она видела этого человека столько, сколько не видела никого из своих «нормальных» мужчин, и всё ещё продолжала отступать. А отступать было уже некуда — лампочка в лестничном окне наконец перестала мигать, стало совсем тихо, и его голос в трубке остался единственным живым звуком на всю её жизнь.

.

Глава 7.
«Кофе Катерины»

Катя пришла к Алёне во вторник. Алёна это знала точно, потому что во вторники у неё был выходной, который она планировала провести в горизонтальном положении с кни-

гой, но жизнь — та самая, которая не любит планы — постучала в дверь ровно в одиннадцать утра.

На пороге стояла та самая женщина с квартиры на Полевой.

— Алёна Викторовна? — спросила она. — Можно на пять минут? Я Катя. Которая «в гостях».

— Я помню Вас, — сказала Алёна, отступая от двери. — Проходите. Только предупреждаю: у меня дома кот, чай и никакой охраны интересов депутатов.

— Мне и не нужно охраны интересов, — сказала Катя, проходя. — Мне нужно, чтобы кто-то наконец выслушал меня без того, чтобы я всем объяснялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.